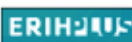
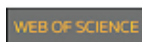

Саблин В. А. Крестьянский двор на Европейском Севере России в годы Гражданской войны (1917—1921 гг.): параметры выживания / В. А. Саблин // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 452—466. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-452-466.

Sablin, V. A. (2021). Peasant Yard in European North of Russia during Civil War (1917—1921): Characteristics of Survival. *Nauchnyi dialog*, 8: 452-466. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-452-466. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-452-466

Крестьянский двор на Европейском Севере России в годы Гражданской войны (1917—1921 гг.): параметры выживания

Саблин Василий Анатольевич

orcid.org/0000-0003-4639-3981

доктор исторических наук,
заведующий кафедрой всеобщей
истории и мировой политики
sablin@inbox.ru

Вологодский
государственный университет
(Вологда, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 20-09-00238 а
«Сельское хозяйство в контексте
модернизации Европейского Севера
России в 1920—1930-е годы»

Peasant Yard in European North of Russia during Civil War (1917— 1921): Characteristics of Survival

Vasily A. Sablin

orcid.org/0000-0003-4639-3981

Doctor of History,
Head of the Department
of General History and World Politics
sablin@inbox.ru

Vologda State University
(Vologda, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR,
project number 20-09-00238 а
“Agriculture in the context of
modernization
of the European North of Russia
in the 1920s-1930s”

© Саблин В. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются изменения в материальном благополучии крестьянского двора на Европейском Севере России, вызванные аграрной революцией 1917—1921 годов. Автор исходит из определения Европейского Севера России как гомогенного пространства, которое в изучаемый период включало в себя Архангельскую, Вологодскую, Северо-Двинскую губернии, Карельскую автономную советскую социалистическую республику и Автономную область Коми. Проанализированы факторы, которые влияли на организационные основы крестьянского производства. Поднимается вопрос о характере налоговых изъятий из крестьянского хозяйства в годы Гражданской войны и о переходе к системе натуральных изъятий и повинностей. Особое внимание уделяется изменениям составных элементов крестьянского бюджета. Показан уровень потребностей крестьянской семьи. Выявлена зависимость потребления крестьянского двора от размера посева, обеспеченности рабочими руками и средствами производства. Особое внимание уделяется составным элементам доходной и расходной части бюджета крестьянской парцеллы. Показана структура питания крестьянской семьи в хозяйствах разного социального типа. Определены параметры выживания сельского двора и основные направления его эволюции. Предпринята попытка сопоставить материальный достаток крестьян и горожан региона в указанный период.

Ключевые слова:

аграрная революция; крестьянское хозяйство; доходность; налоговые изъятия; эффективность производства; бюджет семьи; личное потребление населения.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The changes in the material well-being of the peasant household in the European North of Russia caused by the agrarian revolution of 1917–1921 is examined in the article. The author proceeds from the definition of the European North of Russia as a homogeneous space, which during the period under study included the Arkhangelsk, Vologda, Severo-Dvinsk provinces, the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic and the Autonomous Region of Komi. The factors that influenced the organizational foundations of peasant production are analyzed. The question is raised about the nature of tax withdrawals from the peasant economy during the Civil War and the transition to a system of in-kind withdrawals and duties. Particular attention is paid to changes in the constituent elements of the peasant budget. The level of needs of a peasant family is shown. The article reveals the dependence of the consumption of the peasant household on the size of the sowing, provision of workers with hands and means of production. Particular attention is paid to the constituent elements of the income and expenditure side of the budget of the peasant parcel. The structure of nutrition of a peasant family in farms of different social types is shown. The characteristics of the survival of the rural courtyard and the main directions of its evolution have been determined. An attempt has been made to compare the material wealth of the peasants and townspeople of the region in the specified period.

Key words:

agrarian revolution; peasant economy; profitability; tax exemptions; production efficiency; family budget; personal consumption of the population.

Крестьянский двор на Европейском Севере России в годы Гражданской войны (1917—1921 гг.): параметры выживания

© Саблин В. А., 2021

1. Проблематика эволюции и жизнедеятельности крестьянского двора в научных трудах

Пристальный интерес к проблемам революции и Гражданской войны в нашей стране в последнее время постепенно перемещается от военно-политических сюжетов к глубинным вопросам экономической жизни государства. Одной из наиболее актуальных тем исследований является научная разработка эволюции и жизнедеятельности крестьянского двора, товарно-денежных отношений в условиях прогрессирующей натурализации хозяйственных связей.

В свое время работы В. П. Данилова, В. В. Кабанова, В. П. Дмитренко, Ю. А. Полякова и др. внесли ощутимый вклад в разработку такой важной проблемы, как материальное положение крестьянского хозяйства в 1917—1921 годах. Ими впервые был поколеблен традиционный для советской историографии тезис об «осереднячивании» деревни в ходе аграрных преобразований первых лет революции и намечены наиболее значимые векторы научного осмысления процессов в аграрном производстве и материальной сфере крестьянской семьи.

Сегодня одним из перспективных направлений представляется изучение параметров выживания и уровня благосостояния деревенского хозяйства, основанное на анализе крестьянских бюджетов в контексте экономической и, прежде всего, налоговой политики государства, а также общей хозяйственной конъюнктуры тех лет. В данном исследовании эта задача решается применительно к северному региону Европейской части России (Архангельская, Вологодская, Олонецкая и Северо-Двинская губернии). Выводы строятся на основе статистических материалов и документов Наркомфина РСФСР и опубликованных бюджетных сведений 1920/21 годов, а также данных о питании сельского и городского населения в годы Гражданской войны.

2. Характер налоговых изъятий из крестьянского хозяйства в годы Гражданской войны

Коренные изменения в производственной, социальной и культурной жизни северной деревни, внесенные Великой российской революцией, не могли не отразиться на уровне жизни каждой крестьянской семьи. Реа-

лизация большевистского декрета «О земле» в определенной степени расчистила почву для самостоятельности и хозяйственной деятельности, деревня освободилась от множества ограничений, стеснявших ее развитие. За 1917—1918 годы в основном завершилась уравнительная переверстка земли, резко снизился налоговый пресс.

Сбор старых поземельных налогов (государственного и земского) был прекращен в октябре 1918 года. Собранная сумма поземельного налога с наделных земель и выкупные платежи составили в Вологодской губернии к концу июля 1918 года 26 338 руб., или 26,0 % от оклада, в Олонецкой — 20 614 руб. (по данным на конец ноября 1918 года). Налог с частновладельческих, удельных, городских и учрежденческих земель в Вологодской губернии был собран в сумме 3639,9 руб. (14,4 % к окладу), в Олонецкой — 7646,4 рубля. Земские сборы в Вологодской губернии выражались в объеме 1 686 218,4 руб. (12,2 % к окладу), в Олонецкой — 645 593,1 руб. (49,2 % к окладу) [РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 4582, л. 32—36 об.; д. 4593, л. 19—21].

Судьба специфических для Севера платежей за аренду так называемых казенных и удельных оброчных статей была решена еще более радикально. Наркомат земледелия РСФСР запретил сдачу земель в аренду и их последующую переоброчку, но при этом поддержал местную инициативу (Архангельская и Вологодская губернии) по сбору недоимок с этих земель. Однако в любом случае с 1 января 1918 года сбор всех оброков должен был быть прекращен [РГАЭ, ф. 478, оп. 6, д. 642, л. 134; д. 643, л. 10 об., 26].

В то же время прогрессирующая разруха, охватившая все отрасли экономики страны, нехватка продовольствия и промышленных товаров, увеличившиеся со второй половины 1918 года натуральные изъятия из деревенского бюджета и ряд других факторов постепенно вытесняли благоприятные тенденции развития сельскохозяйственного производства.

Отказавшись от взимания старых налогов в деревне, государство уже в 1917 году наделяет налоговыми правами местные Советы. Местное налоговое творчество шло по линии ограничения экономической мощи имущих слоев города и деревни, носило характер реквизиций и контрибуций. С октября 1917 года по ноябрь 1918 года в четырех северных губерниях было собрано 16 294 818 руб., большая их часть (80,4 %) падала на городские слои [Власть Советов ..., с. 2—14]. Введенный 30 октября 1918 года государственный единовременный 10-миллиардный чрезвычайный налог преследовал цель завершить «красногвардейскую атаку» на капитал города и деревни, поэтому и предусматривал ряд льгот для маломощныхплательщиков, который в последующем неоднократно расширялся.

Но, вопреки намерениям законодателей, налог не сыграл той роли, которая ему предназначалась. Повсюду он разрывался по уравнитель-

ным нормам — по семьям и дворам, по наличным душам, «мало считаясь с платежеспособностью облагаемых» [РГАЭ, ф. 1562, оп. 1, д. 128, л. 56, 89, 92, 94, 98, 124].

По словам наркома финансов РСФСР Н. Н. Крестинского, в деле взимания налога «был допущен ряд злоупотреблений со стороны органов, местных советских властей, причем эти злоупотребления вызывались иногда не только излишним усердием, но и личным предубеждением; пристрастием, корыстием и всякими другими соображениями...» [РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 4974, л. 1—2 об].

Все это держало северную деревню в постоянном напряжении и нередко приводило к открытым крестьянским выступлениям. За 1918—1920 годы в Вологодской губернии было взыскано 16 780 375 руб. (данные на 24 мая 1920 года), в Олонецкой — 4 429 823 руб. (на 2 марта 1921 года), в Северо-Двинской — 8 101 541 руб. (на 1 января 1921 года) [РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 5138, л. 10—11].

К концу 1918 года в стране сложилась система государственных и местных налогов, в основу которой был положен социально-классовый принцип. В 1918 году в северных губерниях объем собранных прямых налогов (без Архангельской губ.) выражался в сумме 10 540 518 руб., в 1919 году — 30 892 046 руб., в 1920 году — 13 673 537 руб., местных сборов: в 1919 году — 8 760 931 руб., в 1920 — 21 455 523 руб. [РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 5138, л. 1—2].

Введенный одновременно с 10-миллиардным натуральной налог исчислялся по прогрессивным ставкам и был направлен на изъятие излишков сельскохозяйственной продукции. Налог по тому времени, очевидно, был перспективен, но последовавшая за ним разверсточная система натуральных налоговых изъятий свела на нет его значение. В 1919 году, по данным Наркомфина, налог не собирался (по другим сведениям, был собран только в Вологодской губернии в размере 84,0 % от планируемого [Юрков, 1980, с. 114], а в 1920 году (кроме Олонецкой губ.) налог был взыскан в размере 9349 пуд. натурой и 31 928 руб. деньгами [РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 5138, л. 7].

Переход к продразверстке в 1919 году послужил отправной точкой для формирования системы общегражданских натуральных повинностей, завершившегося в 1921 году. Помимо разверстки, она включала в себя всеобщую трудовую и гужевую повинности. Денежные налоги отступают на задний план и перестают играть какую-либо роль. Их доля в доходной части государственного бюджета снизилась с 76 % в 1918 году до 0,2 % в 1920 году [Юрков, 1980, с. 130]. К концу 1920 года разверстка практически охватила все виды сельхозпродукции. За 1919—1921 годы на Севере было собрано 3 млн 854 тыс. пуд. продовольствия [Труды Центрального ...,

1924, т. XVIII, с. 424]. Общий объем заготовок в 1921 году по сравнению с 1918/1919 годами возрос более чем в 12 раз. В Северо-Двинской губернии по продразверстке изымалось 13,5 % валового сбора хлебов, в Вологодской — 13,2 %, Олонецкой — 7,5 %, Архангельской — 6,2 % [Труды Центрального ..., 1924, т. XVIII, с. 428].

Убыток от трудгужповинности составлял в довоенных ценах 20,1 руб. на хозяйство потребляющей полосы России, что составляло 6,6 % к условно-чистому доходу. Абсолютные показатели всех крестьянских платежей сравнивались с уровнем 1912 года. В 1920/21 годах у крестьян изымалось до 25,1 % условно-чистого дохода [Вайнштейн, 1924, с. 71, 120]. Именно это обстоятельство в конечном итоге определяло материальное положение крестьянского двора.

3. Изменение параметров доходности крестьянского двора

Среди параметров, которыми измеряется уровень благосостояния сельского хозяйства, основное место принадлежит доходу, могущему быть выраженным в стоимостных или натуральных показателях. В 1920/21 годах сумма валового дохода на один крестьянский двор потребляющей полосы России, судя по бюджетным данным, по сравнению с довоенным периодом, снизилась за исключением, пожалуй, лишь Северо-Двинской губернии, в которой отмечалось ее относительное увеличение. Но это снижение не являлось значительным, как можно было предположить, и отчасти объяснялось тем, что хозяйства северных губерний в меньшей степени пострадали от военных действий, чем губернии Центра.

Какие же факторы обусловили уменьшение доходности крестьянского двора? Обратимся к анализу составных частей валового дохода сельской семьи. В среднем по России до войны доля сельского хозяйства в совокупном доходе двора составляла не менее двух третей, остальное приходилось на продукцию промыслов и отхода. На Севере соотношение частей валового дохода было различным в разных уездах, причем ясно прослеживалась тенденция сокращения доли сельскохозяйственной продукции в валовом доходе с юга на север. В окраинных уездах Архангельской губернии крестьянское хозяйство приобрело выраженную промысловую специализацию, и его основной доход складывался из продукции рыбных, «зверобойных», охотничьих, лесных и других неземледельческих промыслов.

Резкое, в силу ряда причин, падение промыслов привело к снижению их удельного веса в доходе крестьянской семьи. Так, если до войны в Вологодской губернии в расчете на одну душу сельского населения промысловый доход равнялся в среднем 19,88 руб., то уже в 1920/21 годах — примерно 1,07 руб. (колебания от 0,43 руб. до 1,98 руб. по разным губерниям

потребляющей зоны страны) [Литошенко, 1923, с. 35]. Таким образом, основная потеря дохода крестьянина произошла вследствие упадка промысловой деятельности.

В этих условиях доходы сельского жителя складывались в основном за счет продукции сельского хозяйства, доля которого в непродовольственных губерниях России равнялась в 1920/21 годах 93,6 % совокупного валового дохода. Обратившись к анализу структуры дохода, легко можно убедиться, что доходная часть бюджета крестьянина северного региона в 1920/21 годах в основе своей формировалась за счет продукции животноводства и луговодства, а также частью полеводческой продукции (главным образом из-за увеличения удельного веса в сельскохозяйственном производстве продовольственных культур и картофеля).

Доход среднего крестьянского двора Северо-Двинской губернии равнялся 517 руб., в том числе 136,4 руб. (26,4 %) — от продукции луговодства, 95,5 руб. (18,5 %) — от животноводства и 197,5 руб. (38,2 %) — от полеводства. В определенной степени эти показатели были близки средним показателям по так называемым потребляющим губерниям РСФСР, где при общем доходе двора в 562,9 руб. 36,6 % составлял доход от полеводства, 19,8 % — от луговодства, 30,0 % — от скотоводства. Лесоводство в доходе северодвинского крестьянина составляло 12,0 %, тогда как по потребляющему району — 4,5 %. Примечательно, что доходы от промыслов в 1920/21 годов крестьян Северо-Двинской губернии составляли лишь 2,4 % от валового дохода и были близки к средним районным показателям в 1,9 % [Труды Центрального ..., 1922, т. VIII, вып. 3, с. 327].

Если рассмотреть стоимостные показатели доходной части бюджета с точки зрения эволюции условно-чистого дохода (разницы между валовым сельскохозяйственным доходом и покрытием материальных издержек сельскохозяйственного производства) в крестьянском хозяйстве потребляющей полосы, то важно отметить, что он значительно повысился. Так, в Вологодской губернии до революции он равнялся 154,4 руб., а в 1920/21 годах его сумма составляла уже 318 руб. [Костров и др., 1925, с. 416]. К этой сумме следует добавить доход от промыслов, который, несмотря на то, что промысловые заработки неуклонно сокращались, тем не менее, составлял весомую долю в приходной части бюджета, особенно в крестьянских хозяйствах Архангельской губернии. По данным К. Ерофейчева, доход от промысла составлял в эти годы примерно 26,0 % валового дохода, или 40,0 % условно-чистого дохода [Ерофейчев, 1925, с. 1—46]. Наибольшее значение промысловые заработки приобретали в бюджете крестьян так называемых поморских уездов. По данным И. Перфильева, доход от промыслов в Архангельском уезде равнялся 53,89 %, в Холмогор-

ском — 41,59 %, в Пинежском — 40,59 % от общей суммы дохода. Доход от сельского хозяйства в Архангельском уезде составлял лишь 25,56 % от общих доходных поступлений крестьянского двора [Перфильев, 1925, с. 85].

4. Структура расходной части бюджета крестьянского двора

Наряду с доходностью хозяйства, другим значимым показателем, характеризующим уровень жизни крестьянской семьи, служит потребительская, расходная часть бюджета.

Обратившись к данным, раскрывающим соотношение производства зерновых продуктов и картофеля на душу сельского населения с душевой нормой потребления той доли продуктов, которая осталась после рыночной реализации и обратной покупки, обмена и отчуждения по продрозверстке, несложно обнаружить тенденцию к снижению потребления в крестьянских хозяйствах северных губерний. Так, если до войны продукция зерновых и картофеля составляла 25 пуд. на одного члена крестьянской семьи, то внутри хозяйственное потребление превышало собственное производство на 3,6 пуд. и равнялось 28,6 пуд. Поддержание нормы потребления на таком уровне обеспечивалось покупной продукцией. В 1921/22 годах норма потребления снизилась до 26,3 пуд. одновременно с увеличением количества продуктов своего производства до 27,2 пуд. на одного члена [Студенский, 1923, с. 72—73].

Таким образом, если до войны крестьянская семья, чтобы восполнить необходимый объем продукции для внутрихозяйственных нужд, должна была обращаться к рынку, то к концу Гражданской войны при некотором увеличении объема продукции своего производства и сокращении внутреннего потребления острой необходимости в рынке не ощущалось. Последнее служило важнейшим показателем усиления потребительского характера крестьянского двора.

Еще более отчетливо та же тенденция прослеживается при анализе расходов крестьянской семьи на личные потребности в 1921/22 годах, представленных в стоимостном выражении. По данным о расходах на личные потребности крестьянской семьи потребляющей зоны России в 1921/22 годах, представленным Г. Студенским, он равнялся 49,3 руб. на едока в хозяйствах, засевавших площадь менее 2,0 дес., 43,5 руб. — в хозяйствах, засевавших от 2,1 до 4,0 дес., 50,0 руб. — от 4,1 до 6,0 дес., 41,0 руб. — от 6,1 до 8,0 дес., 55,3 руб. — свыше 8,0 дес. В среднем отмеченные показатели равнялись 80,4 — 96,7 % от довоенных данных.

Если принять во внимание, что до войны душевое личное потребление в расчете на среднее хозяйство в вологодской деревне равнялось 51 рублю, а также то, что в результате аграрных преобразований на Европейском Севере совершенно исчезла группа хозяйств, сеющих свыше 8,0 дес., то от

меченный выше усредненный показатель личного потребления для конца Гражданской войны следует уменьшить до 45,9 рубля, что составляло примерно 90 % от довоенного уровня [Студенский, 1923, с. 79]. В связи с этим незначительная разница размеров личного потребления различных посевных групп являлась еще одним прямым свидетельством прогрессирующей натурализации крестьянского хозяйства.

Возобладание тенденций к натурализации хозяйственного строя северной деревни подтверждается данными о расходных статьях личного бюджета. Подавляющая часть расходов крестьянина Северо-Двинской губернии (73,2 %) падала на приобретение пищи, самая минимальная часть — на культурно-религиозные потребности — 0,02 %. Приходится признать, правда, что приведенные данные все же являются весьма относительными, так как говорят больше не о реальном потреблении крестьянина, а о соотношении статей расхода личного бюджета, обусловленных отсутствием или нехваткой и дороговизной промышленных товаров в те годы [Труды Центрального ..., 1922, т. VIII, вып. 3, с. 333].

Характеристика уровня благосостояния крестьянской семьи на основе бюджетных цифр не охватывает многих факторов, прямо или косвенно влиявших на изменение уровня жизни, и, в частности, бюджет не всегда отражал влияние государственной политики правящей партии, выражавшейся в оказании материальной и финансовой помощи беднейшей части деревни (снабжение машинами и инвентарем, создание прокатных пунктов, «рассадников скота», случных пунктов, продовольственные и денежные ссуды, бесплатный отпуск леса на хозяйственные нужды, льготы в уплате налогов, общественные помочи и т. п.)

Кроме того, представленные в бюджетах средние данные, как отмечал в свое время В. И. Ленин, все же характеризуют «хозяйство, стоящее выше среднего типа» [Ленин, 1975, с. 141]. Это действительно так, но направление эволюции жизненного уровня крестьянского двора бюджеты передают достаточно объективно.

5. Уровень питания жителей северной деревни: компаративистские характеристики

Приведенные выше данные о сравнительно достаточном уровне благосостояния крестьянства северных губерний к концу Гражданской войны подтверждаются сведениями о его питании. Действительно, как уже отмечалось выше, большую часть личного расхода бюджета (свыше 73,0 %) крестьянин расходовал на пищу. По подсчетам А. Лосицкого, до войны горожанин потреблял в среднем около 14 пуд. хлеба, а в 1918/19 годах — примерно 10,2 пуд. (в потребляющей полосе 7,4 пуд.). Сельский житель за

это же время увеличил личное потребление с 16,1 до 16,9 пудов (в потребляющих губерниях с 11 до 14,1 пуд.) [Лосицкий, 1920, с. 5].

Выводы А. Лосицкого подтверждаются расчетами ЦСУ о дневной норме потребления пищи на душу городского и сельского жителя, выраженной в калориях. В 1924 году ЦСУ опубликовало материалы о питании горожан и средние показатели питания населения по северным губерниям. Учитывая то обстоятельство, что основу населения региона составляло крестьянство, не будет большой ошибкой распространить эти показатели на деревню Европейского Севера.

Сведения о питании горожан в декабре 1919 года и сельских жителей в январе-феврале 1920 года свидетельствуют о том, что северный крестьянин потреблял в среднем за день на 510 калорий больше рабочего (2885 калорий против 2375). Соответственно в Вологодской губернии эта разница увеличивается до 590 (3140 против 2550), в Олонецкой — до 580 калорий (2914 против 2334). Калорийность питания в октябре (для горожан) и ноябре / декабре 1920 года (для крестьян) меняется в обратной пропорции [Труды Центрального ..., 1924, т. XVIII, с. 377, 396]. Но, очевидно, следует признать, что уровень питания крестьянина в 1920 году не уступал уровню горожанина, а, скорее всего, по-прежнему превышал его. При этом едва ли приходится сомневаться в том, что в год наибольшего охвата деревни всякого рода натуральными разверстками крестьянин менее всего был склонен давать полную информацию о своем потреблении. В 1920 году В. Полиевктов, анализируя данные Вологодского губернского статистического бюро о состоянии питания населения губернии (города Вологды — за декабрь 1919 года, сельских жителей — за январь 1920 года), пришел к выводу, что дневная норма потребления продуктов крестьянина, выражавшаяся в 2217,9 калорий против 2430,3 калорий для горожанина, представляется весьма сомнительной. По его мнению, «средние потребления продуктов все-таки являются сильно приуменьшенными вследствие недоверия населения, опасющегося под влиянием реквизиций обнаружить излишнюю состоятельность» [Полиевктов, 1920, с. 10—11].

Другие источники подтверждают мысль о том, что калорийность питания крестьянина и в 1920 году немного уступала довоенному уровню. Питание взрослого едока Вологодской, Вятской, Костромской и ряда других губерний за январь 1920 года измерялось 3387 калориями в день, что составляло около 90 % от показателей 1913 года [Труды Центрального ..., 1928, т. XXX, вып. 2, с. 53], тогда как дневной рацион питания рабочего в декабре 1919 года равнялся 2840 калориям, а в мае 1920 года — всего 2786 калориям [Труды Центрального ..., 1928, т. XXX, вып. 1, с. 37].

Если сопоставить рацион питания различных социальных групп деревни, нетрудно заметить, что сумма калорий, расходуемых за день, уве-

личивается от групп маломощных крестьян к более зажиточным [Труды Центрального ..., т. XXX, вып. 2, с. 4—7, 18—19, 36—37] (табл. 1).

Таблица 1

Питание сельского населения различных посевных групп
в губерниях Европейского Севера в 1920—1921 годы
(на одного взрослого едока в день калорий)

Губернии и районы	Группы хозяйств по посеву				В сред- нем по группам
	беспосев- ные	малопо- севные	среднепо- севные	многопо- севные	
1	2	3	4	5	6
Январь-февраль 1920 года					
По РСФСР	2957	3340	3667	3790	3594
Потребляющая зона	2672	3001	3429	3525	3365
Вологодская	2408	3090	3254	3223	3140
Олонецкая	2244	2666	3077	3299	2914
Северо-Двинская	2375	2225	2700	2905	2600
В среднем по Евро- пейскому Северу	2342	2660	3010	3142	2885
Ноябрь 1920 года					
По РСФСР	2726	3326	3508	3673	3419
Потребляющая зона	2445	3170	3370	3588	3330
Вологодская	1833	2915	3116	3120	2980
Архангельская	2066	2671	2731	3050	2763
Олонецкая	2146	2871	3225	3214	3027
Северо-Двинская	2204	2869	2928	3301	2986
В среднем по Евро- пейскому Северу	2062	2832	3000	3171	2957
Февраль 1921 года					
По РСФСР	2600	2913	3184	3352	3118
Потребляющая зона	2622	3001	3333	3485	3229
Архангельская	2193	2369	2784	2824	2644
Вологодская	3314	3198	3300	3172	3228
Олонецкая	2173	2535	2865	3296	2949
Карельская Трудовая Коммуна	2544	2793	3389	3554	3229
Северо-Двинская	3061	3010	2934	2861	2923
В среднем по Евро- пейскому Северу	2657	2781	3054	3141	2995

Приняв за исходные 100 % ту массу калорий, которая приходилась в 1920 году на едока в день (едока-беспосевщика), увидим, что дневная норма питания у крестьянина с небольшим посевом возрастает в январе-феврале 1920 года до 113,8 %, у крестьянина со средним посевом — до 128,5 % и, наконец, у хозяина с большим посевом — соответственно до 134,2 % [Труды Центрального ..., т. XXX, вып. 2, с. 61—65] (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение дневного рациона питания крестьян
различных посевных групп
на Севере РСФСР в 1920—1921 годах (в %)

Группы хозяйств по посеву	1920 г.		1921 г.
	январь — февраль	ноябрь	февраль
Беспосевные	100,0	100,0	100,0
Малопосевные	113,8	137,3	104,7
Среднепосевные	128,5	145,5	114,9
Многопосевные	134,2	153,8	118,2

Приведенные подсчеты показывают, что дневной рацион питания даже у крестьянина северных губерний с присущим ему небольшим размером сельскохозяйственного хозяйства был выше рациона питания рабочих. Кроме того, состав продуктов, ежедневно потребляемых сельским жителем, был гораздо выше по качеству, чем те, которые потреблял горожанин. Например, крестьянин Вологодской губернии расходовал в день мяса больше, чем горожанин на 10,1 %. Доля молочной продукции в его рационе составляла 33,7 %, в то время как городской житель потреблял в день 78,5 % овощей, а мясомолочные продукты в его рационе фактически отсутствовали [Полиевктов, 1920, с. 11].

Дневная норма продовольствия рабочих Великого Устюга — административного центра Северо-Двинской губернии — на 42,5 % состояла из хлеба, на 16,5 % — из картофеля. Доля мяса и рыбы составляла примерно 4,7 % [Обследование питания ..., 1921, с. 55—58].

6. Выводы

Таким образом, реализация большевистского декрета «О земле» в определенной степени расчистила почву для самостоятельности и хозяйственной деятельности крестьянского хозяйства, северная деревня освободилась от множества ограничений, стеснявших ее развитие. За 1917—1918 годы в основном завершилась уравнительная переверстка

земли, были прекращены сборы старых поземельных налогов (государственного и земского) и арендной платы за казенные и удельные оброчные статьи. Правда, к концу 1918 года в государстве сложилась новая система государственных и местных налогов, в основу которой был положен социально-классовый принцип. Объем собранных прямых налогов в северных губерниях выражался в 1918 году в сумме 10 540 518 руб., в 1919 году — 30 892 046 руб., в 1920 году — 13 673 537 руб., местных сборов: в 1919 году — 8 760 931 руб., в 1920 — 21 455 523 руб. Переход к продразверстке в 1919 году послужил отправной точкой для формирования системы общегражданских натуральных повинностей, завершившегося окончательно в 1921 году. Помимо разверстки, она включала в себя всеобщую трудовую и гужевою повинности. В 1920/21 годах у крестьян изымалось до 25,1 % условно-чистого дохода. Это обстоятельство в итоге приводило к падению материального достатка деревни. С другой стороны, свертывание отхода и промыслов также имело следствием значительную потерю дохода крестьянского двора. В этих условиях доходы сельского жителя складывались в основном (до 93,6 %) за счет продукции сельского хозяйства, что служило важным показателем натурализации хозяйственного строя северной деревни. Об этом же свидетельствовали показатели расходной части бюджета северного крестьянина, из которого 73,2 % приходилось на приобретение пищи и лишь 0,02 %, — на культурно-религиозные потребности. Всё это обусловило развитие опасных тенденций по свертыванию производства и натурализации хозяйственных отношений.

В ситуации неимоверно сложных условий выживания доходность и потребление сельского двора постепенно снижались, но крестьяне сохранили некоторые преимущества перед неземледельческим населением. Так, дневной рацион питания у крестьянина северных губерний с присущим ему небольшим размером земледельческого хозяйства был выше рациона питания рабочих. Состав продуктов, ежедневно потребляемых сельским жителем, был выше по качеству, чем тот, который потреблял горожанин.

В итоге формирование за годы Гражданской войны по преимуществу потребительского, не связанного с рынком крестьянского хозяйства послужило фоном прогрессирующей социальной нивелировки и обнищания деревни.

Источники и принятые сокращения

1. РГАЭ — *Российский государственный архив экономики*. Ф. 478 (Народный комиссариат земледелия РСФСР). Оп. 6. Д. 642. Л. 134; Д. 643. Л. 10 об., 26; Ф. 1562 (Центральное статистическое управление (ЦСУ) при Совете Министров СССР). Оп. 1. Д. 128. Л. 56, 89, 92, 94, 98, 124; Ф. 7733 (Министерство финансов СССР). Оп. 1. Д. 4582. Л. 32—36 об.; Д. 4593. Л. 19—21; Д. 4974. Л. 1—2 об.; Д. 5138. Л. 1—2, 7, 10—1.

2. *Власть Советов*. Журнал ВЦИК РСФСР. — 1919. — № 2. — С. 2.
3. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 30 / В. И. Ленин ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — 5-е изд. — Москва : Издательство политической литературы, 1973. — 561 с.
4. *Обследование питания населения города Великого Устюга в мае и октябре месяце 1920 г. // За работу.* — 1921. — № 2. — С. 55—58.
5. *Труды* Центрального статистического управления. Т. VIII. Вып. 3. Статистический ежегодник, 1921 г. (Выпуск первый). С присоединением сведений за 1922 г. по внешней торговле. — Москва, 1922. — 371 с.
6. *Труды* Центрального статистического управления. Т. XVIII : сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918—1923. — Москва, 1924. — 481 с.
7. *Труды* Центрального Статистического Управления. Т. XXX. Состояние питания городского населения СССР 1919—1924 гг. (по данным периодических обследований питания населения, произведенных Отделом Статистики Потребления Ц.С.У.). Отдел статистики потребления. Вып. 1. — Москва, 1926. — 273 с.
8. *Труды* Центрального Статистического Управления. Т. XXX. Состояние питания сельского населения СССР в 1920—1924 гг. (по данным периодических обследований питания населения, произведенных б. Отделом Статистики Потребления Ц.С.У.). Секция баланса сельского хозяйства. Вып. 2. — Москва, 1928. — 169 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вайнштейн А. Л.* Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время (Опыт статистического исследования) : монография / А. Л. Вайнштейн. — Москва : Издание книжного склада Экономист Н. К. Ф., 1924. — 165 с.
2. *Ерофейчев И.* Промыслы Архангельской губернии / И. Ерофейчев. — Архангельск, 1925. — 46 с.
3. *Костров Н. И.* Очерки организации крестьянского хозяйства по материалам бюджетных обследований начала XX века / Н. И. Костров, Н. П. Никитин., А. А. Эмме. — Москва : Новая деревня, 1925. — 167 с.
4. *Литошенко Л. Н.* Товарность крестьянского хозяйства / Л. Н. Литошенко // Бюллетень ЦСУ. — Москва, 1923. — № 75. — С. 41—42.
5. *Лосицкий А.* Потребление хлеба и мяса сельским населением в 1918—1919 году / А. Лосицкий // Бюллетень ЦСУ. — Москва, 1920. — № 6—7. — С. 3—13.
6. *Перфильев И. А.* Архангельская губерния : (краткая экономическая география губ.) / И. А. Перфильев. — Архангельск : Призыв, 1925. — 112 с.
7. *Полиевктов В.* Питание населения Вологодской губернии (По данным экономической секции Вологод. губерн. статбюро) / В. Полиевктов // Статистический вестник Вологодской губернии. — 1920. — № 1. — С. 10—11.
8. *Студенский Г.* Бюджет крестьянского хозяйства в революционное время 1917—1920 гг. / Г. Студенский // Экономическое строительство. — Москва, 1923. — Кн. 7, (№ 11—12, № 13—14). — С. 157—174.
9. *Юрков И. А.* Экономическая политика партии в деревне, 1917—1920 : научное издание / И. А. Юрков. — Москва : Мысль, 1980. — 224 с.

MATERIAL RESOURCES

RGAE — *Russian State Archives of Economics*. (In Russ.).

- Lenin, V. I. (1973). *Full composition of writings*. (5th ed.). Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury. 561 p. (In Russ.).
- Proceedings of the Central Statistical Office: collection of statistical information on the USSR 1918—1923*. (1924). Moscow. 18. 481 p. (In Russ.).
- Proceedings of the Central Statistical Office. Statistical Yearbook 1921. (First release). With the addition of information for 1922 on foreign trade*. (1922). Moscow. 8 (3). 371 p. (In Russ.).
- Proceedings of the Central Statistical Office. Nutritional status of the urban population of the USSR 1919—1924 (according to periodical surveys of the population's nutrition, produced by the Consumption Statistics Department Ts.S.U.). Consumption statistics department*. (1926). Moscow. 30 (1). 273 p. (In Russ.).
- Proceedings of the Central Statistical Office. Nutritional status of the urban population of the USSR 1920—1924 (according to periodical surveys of the population's nutrition, produced by the Consumption Statistics Department Ts.S.U.). Agriculture balance section*. (1928). Moscow. 30 (2). 169 p. (In Russ.).
- Survey of nutrition of the population of the city of Veliky Ustyug in May and October 1920. (1921). In: *Za rabotu [To work]*, 2: 55—58. (In Russ.).

REFERENCES

- Erofeychev, I. (1925). *Crafts of the Arkhangelsk province*. Arkhangelsk. 46 p. (In Russ.).
- Kostrov, N. I., Nikitin, N. P., Emme, A. A. (1925). *Essays on the organization of a peasant economy based on budgetary surveys of the early twentieth century*. Moscow: Novaya derevnya. 167 p. (In Russ.).
- Litoshenko, L. N. (1923). Marketability of the peasant economy. In: *TsSU Bulletin*. Moscow. 75. 41—42. (In Russ.).
- Lositskiy, A. (1920). Rural consumption of bread and meat 1918—1919. In: *TsSU Bulletin*. Moscow. 6—7. 3—13. (In Russ.).
- Perfil'ev, I. A. (1925). *Arkhangelsk province: (brief economic geography)*. Arkhangelsk: Pri-zyv. 112 p. (In Russ.).
- Polievktov, V. (1920). Nutrition of the population of the Vologda province (According to the economic section of the Vologda Governorate Statistical Bureau). In: *Statistical Bulletin of the Vologda Province*. 1. 10—11. (In Russ.).
- Studenskiy, G. (1923). The budget of the peasant economy in the revolutionary time 1917—1920. In: *Ekonomicheskoe stroitelstvo [Economic construction]*. Moscow. 7/ (11—12, 13—14). 157—174. (In Russ.).
- Vaynshteyn, A. L. (1924). *Taxation and payments of the peasantry in the pre-war and revolutionary times (Experience in statistical research)*. Moscow: Izdanie knizhnogo sklada Ekonomist N. K. F. 165 p. (In Russ.).
- Yurkov, I. A. (1980). *Economic policy of the party in the countryside 1917—1920*. Moscow: Mysl. 224 p. (In Russ.).